

ЕЛЕНА ГОВОР

ДУША БОГАЧЕ ЗЕМЛИ, ИЛИ КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ В АВСТРАЛИИ

ОТ АВТОРА

Сто лет назад Константин Бальмонт навсегда покидал Россию, зёмлю его любви и боли. Он вёз с собой рукопись подготовленной к печати книги «Океания», которой так и не суждено было увидеть свет. О её истории и будет наш рассказ.

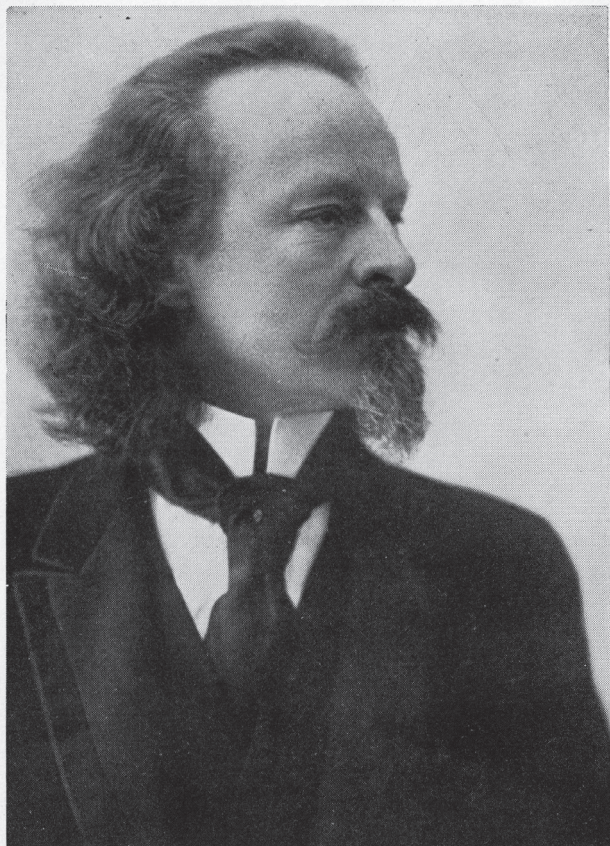
«КАКИЕ УБЕЖДЕНИЯ, КАКАЯ ФИЛОСОФИЯ?»

Хотя Константин Бальмонт прожил долгую жизнь (1867–1942), он, как кажется, навсегда остался в Серебряном веке, среди символистов, воспевавших абстрактные идеалы духа, любви и природы. Писал он изысканно красиво, купаясь в музыке стиха и неповторимости каждого момента бытия, и накануне революции занимал первое место в рейтинге поэтов. Но нужна ли его поэзия нашему веку? Современные литературоведы, невзирая на авторитеты, считают, что поэзия Бальмонта банальна, если не знать контекста, что это «словотечение» с крупными гениальности (Игорь Волгин¹). На что

Дмитрий Быков возражает: «Поэзия Бальмонта, понимаете, она же, может быть, на содержательном уровне и банальна, но Бальмонт же ценен нам своей звукописью, музыкой стиха, новыми формами стиховыми, невероятной пластикой, поразительной насыщенностью речи, метафорами. А содержание... Ну, содержание поэзии вообще не обязательно интеллектуально»². Он же в другом интервью так сформулировал этот контраст между содержанием и формой бальмонтовской поэзии: «в смысле ритмического многообразия он — не зная литературу, как Брюсов, не теоретизируя, как Белый, — сделал для русской поэзии больше всех в двадцатом веке: разве что ранний Пастернак, тоже в первую очередь музыкант, может с ним сравниться. Бальмонт не изобретает размеры, не конструирует стихи — он просто так говорит, меняя ритм прихотливо и вольно, как другой счастливый безумец, — дервиш Хлебников. Он и на темах долго не задерживается,

¹ Поэзия Константина Бальмонта / «Игра в бисер» с Игорем Волгиным // Телеканал Культура. <https://www.youtube.com/watch?v=yKRpdHq9Drs/>

² Дмитрий Быков. Один // Радио Эхо Москвы. — 24.11.2017. <https://echo.msk.ru/programs/odin/2097386-echo/>

Constantin Balmont.

Константин Бальмонт (1867-1942 гг.)

скачет с одной на другую с лёгкостью пьяного собеседника. Какие у Бальмонта убеждения, какая религия, какая философия?»³

И всё же может быть мы слишком легко сбрасываем Бальмонта с парохода современности, не вникая в контекст его поэзии и — шире — поэтического видения мира? Например, в интервью с поэтессой Натальей Крофтс писатель и переводчик Евгений Витковский ничтоже сумняшеся разделался с визитом Бальмонта в Австралию:

«Наталья Крофтс: Насколько мне удалось определить, первое стихотворение, написанное русским поэтом на австралийской земле, принадлежало Константину Бальмонту, приехавшему в Австралию в 1912 году. По крайней мере, первое стихотворение, до нас дошедшее.

Евгений Витковский: И не только стихотворения, а ещё и письма — из города Хобарта, штат Тасмания. И город этот Бальмонт обложил со всех сторон! Ругался не меньше, чем наш Гоголь, который попал на Мальту и первым из русских людей зафиксировал:

³ Дмитрий Быков. *Счастье без ума // Русская жизнь.* — 7.03.2013. <https://ru-bykov.livejournal.com/1658125.html>

„Язык невесть какой”. Но я согласен: думаю, что раньше Бальмонта в Австралии вы ничего и не найдёте»⁴.

В очерках о русском Сиднее мы уже познакомились с замечательным русским поэтом и писателем Изгнанником (Иваном Антоновым), который писал об Австралии, живя в Сиднее в 1908–1909 гг., гораздо раньше Бальмонта⁵. Пришла пора отдать должное и Бальмонту⁶.

В СТРАНЫ ЮЖНЫХ МОРЕЙ

Бальмонт родился и вырос в деревне Гумнищи Владимирской губернии, в среднерусской полосе, которую он всю жизнь глубоко чувствовал и любил. Вместе с тем он рано начал путешествовать, изъездил всю Европу, в 1905 году он побывал в Мексике и Калифорнии, в 1909 году — в Египте. В 1906 году, опасаясь репрессий за своё участие в революционных выступлениях, он бежал из Москвы во Францию. Здесь он продолжал активно трудиться на ниве переводов, писал стихи, но, как отмечают критики, постепенно выдыхался вдали от родины.

В 1912 году, в год 25-летия своей литературной деятельности, он решил отправиться в грандиозное путешествие в страны Южных морей по маршруту: Лондон, Южная Африка, Тасмания, Австралия, Новая Зеландия, острова Тонга, Самоа, Фиджи, снова Австралия, Новая Гвинея, Индонезия, Цейлон, Индия, Марсель. Причины этому видятся разные. Максимилиан Волошин в своём «Напутствии Бальмонту», которого зовёт «трижды древняя Океания», писал:

*Мы в тюрьме изведанных пространств...
Старый мир давно стал духу тесен,
Жаждущему сказочных убранств.
О, поэт пленительнейших песен,
Ты опять бежишь на край земли...
Но и он — тебе ли неизвестен?»*

⁴ «В ладонях осталась память» // *Единение.* — 8.01.2014. <https://www.unification.com.au/en/articles/2004/>

⁵ См. «АМ» №№ 43, 46.

⁶ Первое научное исследование путешествия Бальмонта в Австралию принадлежит Давиду Уэлсу: David Wells, 'The birdsong is drowned by the factory hooter' —: Konstantin Balmont's visit to Australia during his world tour of 1912 // *New Zealand Slavonic Journal.* — 2000. — С. 29–42.

⁷ Волошин М. *Собр. соч., т. 1.* — М., 2003. — С. 197.

Валерий Брюсов видел это путешествие в том же ключе:

*Я в море не искал таинственных Утопий,
И в страны звёзд иных не плывал, как Бальмонт⁸.*

Однако сам Бальмонт выдвигает совсем другую, парадоксальную причину — тоску по родине: «Последний год невозможно было оставаться в Париже. Я уехал в кругосветное плавание»⁹. Но, возможно, в суть этих двух кажущихся противоречий сумела проникнуть Марина Цветаева: «Не есть ли сама нерусскость Бальмонта — примета именно русскости его? До-российская, сказочная, былинная тоска Руси — по морю, по заморью. Тяга Руси — из Руси вон»¹⁰.

Путешествие в страны Южных морей имело и свою внутреннюю логику в контексте творчества Бальмонта. Ещё в 1903 году он публикует свой поэтический манифест «Будем как солнце», в котором образы Огня и Солнца ведут к освобождению человека от оков европейской цивилизации, поклонению стихийным силам, к пантеистическим, космогоническим мотивам, а от них к мировосприятию народов, сохраняющих традиционную культуру, не замутнённую Западом. С этим были связаны и его поездки в Мексику и в Египет, и вот теперь предстояло личное знакомство с Океанией.

«СВИТА МОЯ — АЛЬБАТРОСЫ МОРЕЙ»

3 февраля 1912 года «мистер и миссис Бальмонт» сели в Лондоне на корабль «Афиник», отправлявшийся в Новую Зеландию. В то время как жена Бальмонта, Екатерина Алексеевна Андреева-Бальмонт (1867–1950), с которой он сохранял дружеские, тёплые отношения, оставалась в России, с ним отправилась в путешествие его гражданская жена, Елена Константиновна Цветковская (1880–1943), бывшая студентка Сорбонны, боготворившая своего блистательного возлюбленного.

Она уже совершила с ним путешествие в Мексику и в Египет, а в 1907 году родила дочь Мирру,

⁸ Брюсов В. Неизданные стихотворения. — М., 1992. — С. 212.

⁹ Бальмонт К. Привет Москве // Русское слово. — 1913. — 12 мая. — С. 3.

¹⁰ Цветаева М. Собр. соч. в 7 т. Т. 4. — М., 1994. — С. 59.

Елена Цветковская

названную так в честь музы Бальмонта поэтессы Мирры Лохвицкой (1869–1905). Уже после всех путешествий посвятил Елене стихи.

Елена

*Я переплыл с тобою океаны,
Я пересёк громады диких гор,
И пламецвет слагался нам в костёр,
И рододендрон расцветал румяный.
В горячей Майе призрак марев рдяный,
В Египте, в храмах древних, тайный хор
Богов, богинь, хранящих свой убор,
Самоа остров счастья, Солнцем пьяный.
Их много, стройных стран и островов,
Где в сказку жизни заглянули двое.
Нас обвенчало Море голубое.
Друг к другу мы пришли из мглы веков.
Колибри, сновиденье световое,
Мы будем пить до смерти дух цветов¹¹.*

¹¹ Бальмонт К. Д. Дар земле. — Париж, 1921. — С. 113. Здесь и далее сохраняется орфография, используемая Бальмонтом.

Но в то время, когда они отправлялись в путь, сердце Бальмонта было во власти любви к ещё одной женщине, Анне Николаевне Ивановой (1877–1937). Она была рано осиротевшей племянницей мужа сестры жены Бальмонта Екатерины Алексеевны. Несмотря на столь сложную траекторию родства, Анна, или как её называли в семье Ньюша, была по существу членом семьи Андреевых-Бальмонтов. Екатерина Алексеевна очень тепло отзывается о ней как о своей племяннице и пишет о её отношениях с Бальмонтом: «кроткая, тихая, красивая девушка. С ней одной он никогда за всю нашу долголетнюю совместную жизнь в самых своих худших состояниях не был груб, вызывающ, как с другими. Может быть, так действовали спокойствие и ровность Ньюши, она была всегда одинаково внимательна и нежна к Бальмонту, которого очень любила»¹². Очевидно, роман с Анной, или Мушкой, как называл её Бальмонт в своих письмах, разгорелся незадолго до его отъезда в путешествие и повлиял на его душевное состояние. Его письма Мушке наполнены нежной любовью, тоской, сожалением о разлуке.

А корабль, тем временем, уносил его с Еленой на юг. Пройдя Канарские острова, в конце февраля они остановились в Кейптауне, на мысе Доброй Надежды, где провели месяц, посетив внутренние районы страны, и возобновили путешествие на корабле «Коринфик» в Тасманию.

Это путешествие на корабле стало для Бальмонта первым разочарованием, поскольку его предвкушение сказочного Юга обернулось промозглым холодом предполярных широт. И хотя они знали географию, «но там, где разум не может, мечта всегда хочет, — писал он. — И слово Юг так пленительно овеяно светом и теплом, что, уезжая из Южно-Африканских садов, где цветы — как раскрытые губы, и у тонкоствольных деревьев женский стан, — уплывая в красиво обособленную Тасманию, и с детства любимую Австралию бумерангов и Чёрных голых людей, можешь ли думать, что будешь целый месяц мёрзнуть телесно на холодной палубе или в душевной, но холодной каюте, и будешь стыннуть духовно среди скучных сухих англичан, которые едут себе в Австралию или Новую Зеландию, как в собственную вотчину, вдоль и поперёк известную»¹³.

Их спутники-англичане действительно наслаждались приятным плаванием. Газеты сообщали, что на борту «Коринфика» ехало несколько артистов варьете, которые во время перехода радовали

Анна Иванова

публику своими представлениями¹⁴. Бальмонт бежал из их мирка в свой мир: «Но что люди? Прочь люди. ... В Предполярных областях Южных морей колдуют крылья птиц, не нуждающихся в отдыхе — и столько там альбатросов, сколько их хочет мечта. Белые, серо-белые, серые, разного роста и разного нрава, но все жадные, сильные, и летящие. Они летят одиноко, они летают парами, они собираются стаями, и снова каждый летит одиноко, — красивее всего одинокий альбатрос. Видишь его целиком, независимо. Чем старше альбатрос, чем длиннее его крылья, тем больше понимает он одиночество. Иногда прилетит такой исполин прямо вплоть к кораблю, глянет почти человеческими глазами и снова умчится, показав размер своих крыльев и неутолимое желание полёта. И в морозном воздухе, с тоской о тепле, но радуясь глядющему из-за дымного облака Солнцу, поёшь:

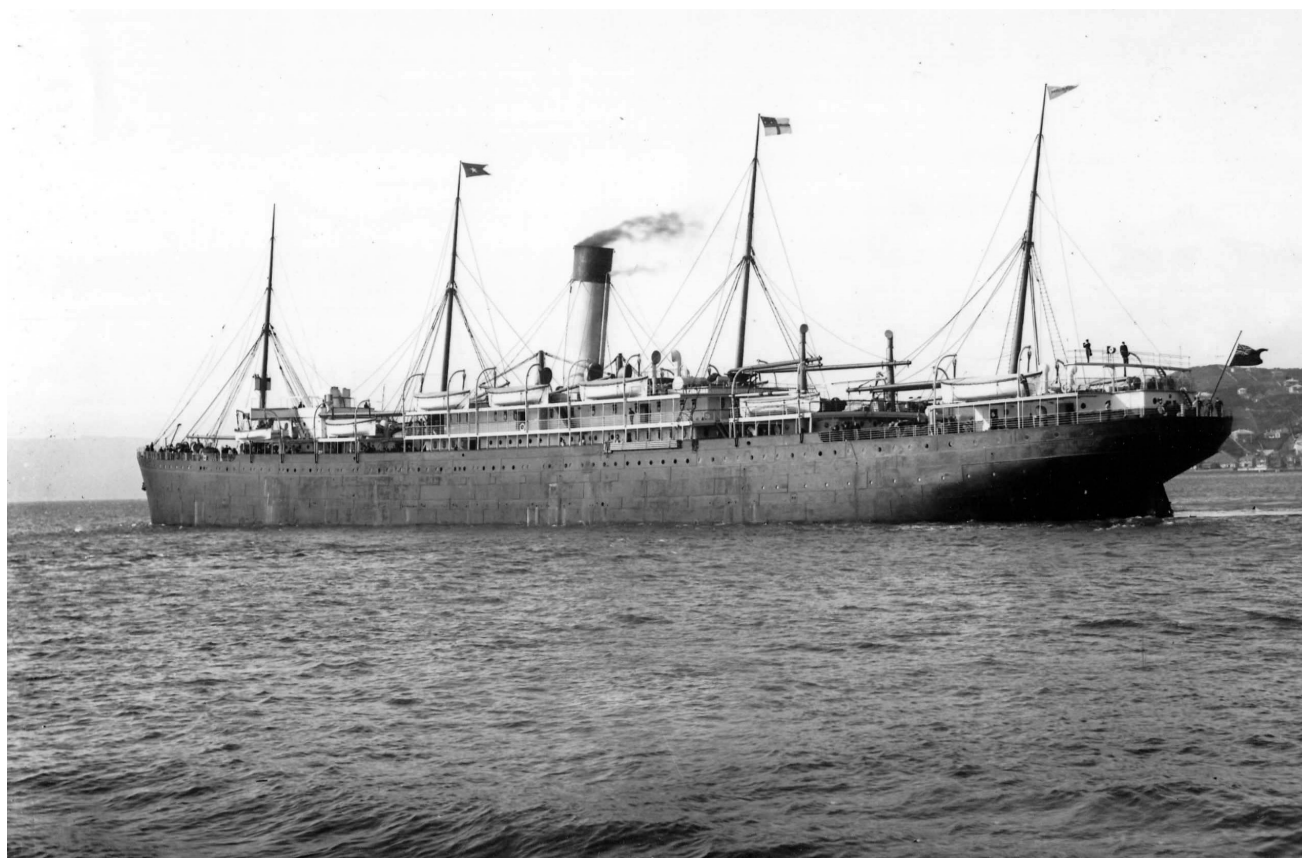
*Свита моя — альбатросы морей,
Волны — дорога моя.
Солнце, родимого сына согрей,
Солнечный я»¹⁵.*

¹² Андреева-Бальмонт Е. А. Воспоминания. — М., 1996. — С. 385.

¹³ Бальмонт К. Океания // Заветы. — 1914. — № 6.

¹⁴ Unexpected arrival of the Corinthic // Mercury, Hobart. — 1912. — 11 April. — P. 4.

¹⁵ Бальмонт К. Океания.

ПЕПЕЛИЩЕ ЗАГАДОЧНОЙ РАСЫ ЧЁРНЫХ

Десятого апреля 1912 г., на день раньше срока, «Коринфик» зашёл в Хобарт на Тасмании по пути в Новую Зеландию¹⁶. Из Хобарта пассажиров, следовавших в Мельбурн и Сидней, развозили на местных пароходах, однако Бальмонты не воспользовались этой услугой, так как хотели сначала познакомиться с Тасманией. Первое знакомство с Хобартом прошло у Бальмонта на каком-то метафизическом уровне. В письме А.Н. Ивановой он писал:

«Милая, я не послал тебе телеграмму из Гобарта, — боялся задерживаться там. Этот город, бывшее место каторги, произвёл на меня самое мучительное впечатление. Не знаю, почему. Он ничтожен — и только. Но там есть великолепный музей, и в получасе ходьбы прекрасный ботанический сад, и возможности поездок. Однако же, через несколько часов по приезде, на меня напала невыносимая тоска. Мы шли

¹⁶ Unexpected arrival of the Corinthic.

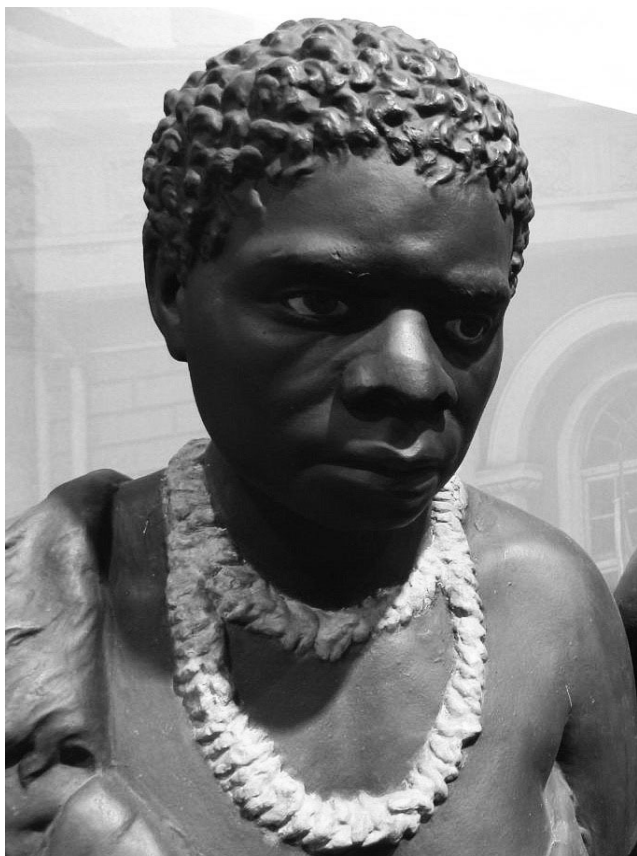
«Коринфик»

с Еленой по кривым улицам, пришли к концу города, сели в каком-то саду, похожем на кладбище, Солнце погасло, и мы оба застывали, — и у меня сейчас такое впечатление, точно я сидел и горько плакал, а Елена меня утешала. На несколько дней в душе что-то порвалось. Это впечатление так и сохранялось. Может быть, это просто была усталость. Только ли?»¹⁷

После путешествия он писал о своём опыте Дмитрию Анучину: «Конечно, будучи любопытствующим писателем и довольно опытным путешественником, я умел в несколько минут заметить многое, чего другой глаз, быть может, не увидит в гораздо более долгий срок»¹⁸. Так было и в Хобарте. Погружение в «тоску» началось у него именно в музее, где перед ним развернулась трагическая история истребления коренных жителей Тасмании. В очерке «Океания» он так писал об этом:

¹⁷ К. Д. Бальмонт — А. Н. Ивановой, 21 апр. 1912 г. // Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (далее РГБ ОР), ф. 374, картон 9, ед. хр. 25. — Л. 7–10.

¹⁸ Цитируется по: Н. Новикова. Странствующий певец // Вокруг света. — 1990. — № 2. — С. 44.

Гипсовая копия скульптуры Труганини (Лаллы Рук), выполненная русским скульптором И.И. Севрюгиным. Музей антропологии МГУ

«В Тасмании же, где было кроткое, по-своему красивое, по-своему замечательное племя Чёрных, Англичане явились столь метко истребительными, что давно там нет ни одного Тасманийца. Чёрные мешали Английским поселенцам. Значит, нужно было их истребить. Тот самый исторический изверг Робинсон, по указанию которого была сделана на Тасманийцев последняя удачная облава, был награждён Английским правительством, да по общественной подписке собрали в его пользу что-то вроде миллиона рублей за удачное пролитие крови Чёрных. Зато Англичане были почтительны к последней представительнице Тасманийской расы, к последней их царице, прозванной в насмешку Лалла-Рук: они препарировали её скелет, и он, вместе с её портретами, находится в настоящее время в Тасманийском музее в Гобарте»¹⁹.

Он физически ощущал как после расправы над тасманийцами «проклятие как бы застыло в воздухе» «неуютной Тасмании»²⁰. Этот душевный неуют усугублялся и реальным холодом, который Бальмонтам

довелось испытать на Тасмании — днём температура в эти дни была 16–18 градусов, а вечером опускалась до 4.

Стремясь поскорее уехать из Хобарта, Бальмонты отправились на север острова, в Лонсестон. «Любовь, — писал он оттуда Мушке, — я посылаю тебе мысли свои с гор, окружающих Лонсестон. Там журчали водопады, и светило Солнце. Но дошли ли мои мысли до тебя? Мне хотелось видеть тебя живую. Ты моя жизнь. Без тебя нет жизни»²¹. Здесь они провели десять дней и здесь наконец-то Бальмонт услышал музыку своей Утопии, вслед за которой он отправился на самый юг. Тасмания предстала перед ним как «священное место, пепелище загадочной расы Чёрных, чья тайна ещё не разгадана, или уже забыта. Как Испанские сады Гесперид, великолепные рощи с золотыми яблоками, что называются апельсинами, напоминают нам об утонувших садах Атлантиды, так огромные яблоки Тасманийских яблонь и могучие леса мимоз и папоротниковые деревья этого предельного острова, вместе с эвкалиптами Австралии, чьи голубые стволы и ветви окружены запахом ладанных цветов, и вместе с свидетелями иных мировых циклов, человекоподобными кенгуру, живым домыслом изменённой природы нашёптывают нам Лемурийские сны»²².

Лемурия — легендарный затонувший континент, который предположительно некогда располагался в Индийском океане, во второй половине XIX века волновал умы многих — от натуралистов Эрнста Геккеля, предполагавшего, что здесь могла находиться прародина человечества, и Миклухо-Маклая, отправившегося в дебри Новой Гвинеи проверять эту теорию, до основательницы теософии Евгении Блаватской, населившей эту землю мистическими гуманоидами-лемурийцами. Бальмонтские «човекоподобные кенгуру» прекрасно вписались в эту картину.

Румяное тасманийское яблоко, как блоковская «пылинка дальних стран», помогло Бальмонту восстановить утраченное душевное равновесие. 20 апреля, когда «Лунгана»²³ уносила их к берегам Виктории, его душа снова пела:

*На старых канатах, изведавших бурю
и брызги солёной волны,
Сижу я, гляжу я, а Солнце нисходит
на скатах своей вышины.
Одетое в пурпур, в светлейший, чем Турский,
добытый царями, багрянец,*

²¹ Бальмонт — Ивановой, 21 апр. 1912 г.

²² Бальмонт. Океания.

²³ Departures // Examiner, Launceston. — 22 April 1912. — P. 4.

¹⁹ Бальмонт. Океания.

²⁰ Бальмонт К. Из южных далей. (Рассказ путешественника) // Русское — слово. — 1912. — № 175. — 29 июня. — С. 4.

*Оно поспешает, в разлитии блесков,
дать вечеру пышный конец.
И тёмные мачты, и серый мой парус,
и след по воде от руля,
Облиты гореньем, в пожаре минуты,
торопящей бег корабля.
По водам, покрывшим отроги Лемурий
и башни былых Атлантид,
Багряное Солнце, в кипении лавы,
в сверканьи мгновенья, горит²⁴.*

ГОРОД-КОШМАР?

Мельбурн встретил их дождливой ветреной погодой, — «Льёт как из ведра. Леденящая зима»²⁵ — и Бальмонт снова затосковал. Они остановились в «New Treasury Hotel»²⁴ на углу Спринг-стрит и Литл Коллинс-стрит, напротив парламента и парка, в одном из самых фешенебельных районов города.

²⁴ Бальмонт. Океания; То же // Белый зодчий. — СПб, 1914. — С. 23.

²⁵ Balmont, Constantin. Visions solaires: Mexique — Égypte — Inde — Japon — Océanie. — Paris, 1923. — С. 298.

Трёхэтажное здание «New Treasury Hotel» и площадь у парламента Виктории

Первое письмо было Мушке, в Париж, и тревога в нём идёт по нарастающей по мере того, как он делал всё новые приписки:

«21 апреля 1912. Завтра пошлю тебе словечко депешей. Сегодня скучное Английское воскресенье, — почта заперта. Дерзну снова надеть непромокаемое пальто, и пойду бродить. ... Хотелось рассказать тебе впечатления последних дней, — и вот как будто ничего не было. Отъезды, приезды, переезды. И в сердце одна мучительная мысль: Зачем я не в Париже? ...

22 апреля. 10 ч. н. ... На траме и пешком, вчера и сегодня, исследовал чуть не весь Мельбурн. Чудовищно-огромный, безжизненный город. Жители — какая-то Английская помесь, 3-го сорта. Хороша лишь бухта огромная.

... Зачем сбежал от милой Няни? Вот и сиди в гадком-прегадком закоулке Земного Шара. ...

P.S. Если бы я отложил свой отъезд из Парижа — как хотел, я бы наверно поехал кратчайшим путём в Океанию через Америку, и был бы на «Titanic»²⁶. Было ли в этом ещё указание Судьбы?»²⁶

«Титаник» потерпел крушение 15 апреля, когда Бальмонт был ещё в лемурийской Тасмании.

²⁶ Бальмонт — Ивановой, 21 апр. 1912 г.

«Ботанический отель»

В Мельбурне, среди кричащих газетных заголовков, эта трагедия стала явью и усугубила его тягостное восприятие мира.

Годы спустя в разговоре с писателем Борисом Зайцевым о парижской рабочей окраине, где тот жил, Бальмонт обронил: «Лишь в Австралии видал я столь некрасивую улицу»²⁷. В книге «Солнечные видения», опубликованной десять лет спустя на французском языке, образ Мельбурна предстаёт ещё более фантомным: огромный, промышленный город, «похожий на кошмар» (*pareille à un cauchemar*)²⁸. И это — восприятие элегантного, богатого, оживлённого города, где промышленность отнюдь не доминировала в городской инфраструктуре. Ведь обычно Мельбурн, молодой город, восхищал русских путешественников. Корабельный врач «Светланы» Дмитрий Мерцалов, одним из первых русских описавший Мельбурн в 1862 г., отмечал, что этот город «вмещает в себе всё, что выработали цивилизация и просвещение: ... железные дороги, электрические телеграфы, роскошное газовое освещение, водопроводы, стоящие миллионы, великолепные здания». «Чувствуешь

себя в Мельбурне как бы в совершенно новом мире», — заключал он. В 1894 году Николай Небогатов, командир «Крейсера» был уже совершенно однозначен в своей оценке: «Мельбурн вполне европейский город ... лучший даже столиц второстепенных европейских государств». В русских описаниях Мельбурна часто звучит тема молодости, новизны, праздничности. У Софьи Витковской в 1896 г. Мельбурн оставил «впечатление молодости, свежести и силы; в нём не видно старых зданий; всё ново, всё блестит, всё полно жизни»²⁹.

Бальмонтский «город-кошмар» — это, конечно, не портрет города, это портрет себя, своего душевного состояния, на распутье к ускользающей мечте, вслед за которой он отправился в это путешествие.

Неудивительно, что в Мельбурне Бальмонт надолго не задержался и 2 мая уже был в Аделаиде, столице Южной Австралии. От мельбурнского холода, писал он, «я укрываюсь в Аделаиде и попадаю в лето»³⁰. Остановились Бальмонты в «Ботаническом отеле»,

²⁷ Зайцев Б. Река времени. — Нью-Йорк, 1968. — С. 288.

²⁸ Balmont, *Visions solaires*. — С. 298.

²⁹ Российские моряки и путешественники в Австралии. — М., 2007. — С. 133, 252; Витковская С. В. Кругом земли. Путевые воспоминания. — СПб., 1915. — С. 200.

³⁰ Balmont, *Visions solaires*. — С. 298.

изящное здание которого находилось на стыке Северной и Восточной террас и смотрело на парк. Отсюда 13 мая они должны были выехать на корабле «Моана» в Новую Зеландию, но случилось непредвиденное — после холодного Мельбурна «Елена захворала, пролежала в лихорадке неделю», и отъезд пришлось отложить ещё на неделю.

Письма Бальмонта Мушке, как обычно, полны его горячих объяснений в любви, жалоб на природу: «Небо затуманилось. Серое, скучное», на своё состояние: «Я невольно задержался в Аделаиде — и тоскую», и творческие трудности: «Ты спрашиваешь, работаю ли я? Нет, в конце концов ничего не делаю, и это меня очень сокрушает. Я думаю, что это — естественное нехотение работать, после непомерной работы над Эдгаром По и над Буддой. Я начал некое писание о путевых впечатлениях — и вот 3-ю неделю не кончаю этого пустяка»³¹.

Но не всё так плохо было в Аделаиде. Вероятно, путевые впечатления, которые ему так долго не давались, всё-таки были закончены и уже в июле напечатаны в «Русском слове»: «Хотя мне совершенно нечего делать в Аделаиде, — писал он, — я живу здесь день за днём, ибо мне удалось поселиться хоть и в городе, но среди деревьев, каждый день утром ухожу в ботанический сад, провожу в нём долгие часы; перехожу из аллеи в аллею, от эвкалиптов к смоковницам, от прудка голубых лотосов к прудку белых лебедей, от затона белых арумов к разноцветным клумбам анемонов и тихонько радуюсь, и тихонько томлюсь, и размышляю с недоумением о неверной шаткости таких обычных представлений, как зима, весна, лето и осень»³².

ТАЙНА ЛИДИИ КАРЛОВНЫ

Но здесь мы сделаем небольшую остановку и перенесёмся из мира бальмонтских арумов и анемонов в мир реальной жизни и зададим вопрос — а почему, собственно, Аделаида? Ведь этот город в то время был известен как самый «английский», чопорный город в Австралии, природа в нём была давно «одомашнена» на английский лад колонистами, да и добираться туда надо было скорей

всего на пассажирском корабле из Мельбурна, который ходил отнюдь не часто. Насколько интереснее и проще было бы отправиться из Мельбурна в Гипсленд — в вековые первозданные леса и выросли древовидных папоротников.

Ответ я нашла случайно, работая над сложнейшим детективно-историческим случаем. Как оказалось, в Аделаиде в то время жила русская женщина Лидия Карловна, знакомая Бальмонта по Петербургу. Судя по её рассказу, она знала, что он едет в Австралию. Приехав, он послал ей телеграмму, она его встретила, и дальнейшие встречи с ней скрасили его затянувшееся пребывание в Южной Австралии.

Первый раз я «встретила» Лидию Карловну в 1991 году, разбирая в библиотеке Университета Мельбурна архив Константина Хотимского, первого историка русского зарубежья Австралии. В одной из коробок с бумагами были огромные магнитофонные бобины и листочек с краткой описью с упоминанием, что в 1965 г. Хотимский записал интервью с Лидией Карловной Уитем (Whitham) о её встрече с Бальмонтом. Оборудования, чтобы прослушать эти записи не было, но имя в памяти осталось. Пятнадцать лет спустя я наткнулась в интернете на объявление Татьяны Владимировны Ветошниковой: «Разыскиваю потомков, родственников моей бабушки Ветошниковой (Бутлер), возможно Платоновой, Лидии Карловны (1884 г.р.?). Эмигрировала из России в 1910–1914 гг. Известно, что в 1916 г. проживала в Аделаиде. Кто знает что-либо, прошу отозваться». Слово по наитию я подумала о магнитофонной плёнке — хоть и не Уитем, но имя совпадало. И наша переписка с Татьяной завертелась. Выяснив, что Лидия Уитем умерла в Сиднее в 1968 году, мы рискнули заказать копию её свидетельства о смерти и — бинго! — её отцом был Карл Бутлер. А тем временем Татьяна рассказывала мне историю своей бабушки Лидии, которую она никогда не видела, но всю жизнь любила и искала.

Лидия Карловна Бутлер (1881–1968), происшедшая из дворянской семьи обрусевших немцев, выросла в Петербурге, окончив там гимназию. В 1903 году она вышла замуж за счетовода Порфирия Ветошникова и уехала с ним на Дальний Восток. После рождения третьего сына, в семье произошёл конфликт, и её муж с детьми скрылся, впоследствии сдав детей в приют под Петербургом. В 1910 году, после безуспешных попыток отыскать детей, Лидия уехала в Австралию со своим петербургским знакомым Александром Платоновым (1881–1948).

Сначала они поселились в Аделаиде, а затем переехали в Мельбурн, где Платонов устроился работать нештатным письмоводителем в русском

³¹ Бальмонт — Ивановой, 8 и 16 мая 1912 г. // РГБ ОР. — Л. 11–18; Брюсов В. Я. Переписка с К. Д. Бальмонтом // Литературное наследство. Т. 98. Кн. 1. — С. 232.

³² Бальмонт. Из южных далей.

Лидия Бутлер (Ветошникова)

В. ЗЕМЛЯНСКИЙ Луга
Токровская ул. 31.

Сыновья Лидии, пропавшие в России

Александр Платонов

консульстве. Это и не удивительно, он был прекрас-
но образован, окончив Военно-медицинскую ака-
демию, вот только диплом по какой-то причине не
взял. Лидия быстро овладела английским языком
и, как она рассказывала в интервью Константину
Хотимскому 55 лет спустя, «часто брала место жены
русского консула. Она была немка и не знала рус-
ского языка и, когда у нас были праздники, как
Рождество или Пасха, у нас не было своей русской
церкви, так мы держали свои церковные службы
в греческой церкви, и я была представительницей
России с русским консулом». В годы Первой миро-
вой войны её пути с Платоновым разошлись. Он
наконец-то получил свой диплом из России и от-
крыл медицинскую практику в Южной Австралии,
а Лидия «встретила англичанина, очень культурно-
го человека» и, сделав последнюю безуспешную
попытку найти своих детей и получить развод, вы-
шла за него замуж в Перте, где её никто не знал. Её
мужем стал журналист Хьюберт Уиттем. В 1917 году
у них родился сын Хьюберт-младший, который стал
адвокатом. Когда, по просьбе Татьяны Ветошниковой,
я наконец-то разыскала австралийскую внучку
Лидии, выяснилось, что австралийская семья Лидии
ничего не знала о её прошлом — она его спрята-
ла ото всех. Вскоре после интервью, записанного
Хотимским, Лидия умерла в Сиднее, так и не узнав,
что двое её старших сыновей пропали в сумятице
гражданской войны, но младший, Владимир, выжил
и, как и его австралийский брат Хьюберт, воевал во

Второй мировой войне. Он и заронил в душу своей
единственной дочери Татьяны мечту о том, чтобы
найти его пропавшую маму Лидию.

Оставалось осуществить и мою давнюю мечту —
послушать магнитофонную плёнку с интервью Лидии
Карловны в Университете Мельбурна. Долго шла
переписка с библиотекой, которая не могла найти
концов этой коробки с плёнками — а я ведь, пом-
нится, положила в неё листок с просьбой сохранить
этот ценный материал! Когда плёнки наконец-то на-
шлись, встал вопрос об оборудовании — в библи-
отеке не знали, на чём можно прослушать эти бо-
бины. К счастью, к этому времени подросток мой сын
Ральфи, который в 1991 году уже был со мной при
разборке архива Хотимского, но только «в проек-
те». Теперь же — юный технический гик³³ — он на-
шёл подходящий магнитофон в кладовке факультета
лингвистики нашего Австралийского национально-
го университета и отправился со мной в Мельбурн,
чтобы провести операцию под кодовым названи-
ем «Бабушка Лидия». Ведь задача была не просто
прослушать интервью, но и переписать звук на со-
временный компьютер для Татьяны Ветошниковой
и для истории!

³³ Гик (*англ.* geek, IPA gi:k) — человек, чрезвычайно
увлечённый чем-либо; фанат. Изначально гиками
именовали людей, увлечённых высокими технологиями
(обычно, компьютерами и гаджетами).

Путешествие начинается!

И вот мы с чемоданчиком-магнитофоном в Университете Мельбурна, всё подключено, и среди коробок, каталогов и проводов звучит изумительно красивый, полный глубокого достоинства голос Лидии Карловны, чем-то напоминающий английскую королеву Елизавету:

«Я оставила Петербург, Россию, 55 лет тому назад. Я приехала сюда, когда мне было 27 лет, и теперь мне 83 года. Вначале я не встречала русских, совсем. Но два года после того, как я остановилась в Аделаиде, я узнала, что наш знаменитый поэт Бальмонт хочет поехать в Австралию».

Как и следует, она произносит Бальмо́нт, и это имя звучит в её устах как музыка. Прожив 55 лет в англоязычной среде, она временами с трудом подбирает нужные русские слова, но когда она вспоминает их, это слова из далёкого прошлого, из 1912 года:

«Когда я от него получила телеграмму, он приехал, я его встретила, и потом мы... Я так рада была, когда я встретила русского человека из Петербурга, которого я знала так хорошо. И мы оба были очень тронуты. Он был русский душой, и я его пригласила к себе, и всё то время, когда он был в Аделаиде, мы часто виделись, я ему помогала. Он нехорошо английский язык знал. А я очень быстро выучила английский язык, потому что я знала немецкий и французский, и эти два языка помогают очень, если хочешь выучить английский язык, как говорят культурные люди. Он очень любил Аделаиду

Вот оно, счастье! Мы переписываем интервью

и окрестности. Это ему понравилось, потому что это была настоящая Австралия, там не было фабрик. ... Аделаида была как громадный сад в то время, действительно австралийский. Все австралийские деревья, птицы, и цветы, не было фабрик. В Аделаиде ему очень понравилось. Это единственное, что ему понравилось.

«Хотимский: *А откуда он сюда приехал, вы не помните, каким путём он ехал?*

Лидия Карловна: Он приехал из Парижа. А как он приехал, я не могу вам сказать.

Х.: *Вы говорили, что не было его жены здесь.*

Л.К.: Нет, секретарша с ним приехала, потому что правая рука у него была парализована. И он не мог много писать, он очень уставал быстро, и он диктовал, а она писала, у неё была машинка. ...

Х.: *Скажите, пожалуйста, остались ли у вас письма или документы от Константина Бальмонта?*

Л.К.: Прежде, чем он уехал в Сидней, он подарил мне книгу своих поэм и написал в одной из своих книг: „Всем тем, в чьих глазах отразились мои песни“. Меня это очень тронуло, и когда он уехал, я плакала. Мне казалось, это последняя... связь с Россией порвалась»³⁴.

³⁴ Интервью К. Хотимского с Л. К. Ветошниковой (Whitham), 1965. // The University of Melbourne library, Hotimsky collection.

Среди стихов, опубликованных Бальмонтом вскоре после возвращения из путешествия в сборнике «Белый зодчий», есть одно малоизвестное стихотворение, в котором нет прямых географических указаний на место его написания:

Тонкий бисер

*Тонкий бисер капелек росистых
На растеньи с множеством кистей.
В небесах лазурно-свеже-чистых
Тихий смех оконченных дождей.
Сердце-уводящая улыбка,
Хризолит ликующий разлит.
И вдали, за садом, чья-то скрипка
О далёких-близких говорит³⁵.*

Тональность этого стихотворения свидетельствует о том, что это не мир тропических островов Океании, которым Бальмонт скоро посвятит множество словословий. Это и не Россия, она — в воспоминании «о далёких-близких». Вместе с тем такие маркеры как «растение с множеством кистей», сад, радость после окончания дождей — всё это как будто указывает на возвращение к радости бытия, которое постепенно произошло у Бальмонта в Аделаиде, в результате прогулок в ботаническом саду, и, осмелюсь предположить, общения с родственной душой — русской женщиной, Лидией Карловной, заброшенной волей судьбы на край света. И не её ли это была «сердце-уводящая улыбка», на миг осветившая душевное одиночество поэта?

ОТ ОСТРОВА К ОСТРОВУ

Елена наконец-то поправилась, и Бальмонты смогли продолжить своё путешествие по Океании. 18 мая они покинули Аделаиду и на несколько дней остановились в Мельбурне. Возможно, в это время Бальмонт встретился с российским консулом в Мельбурне Александром Абазой, о чём упоминала в своём интервью Лидия Карловна Ветошникова, но документального подтверждения этому нет. 22 мая они отбыли на небольшом парусном корабле "Warrimoo" в Новую Зеландию. «Любовь, опять меня качают волны. Пренесносная качка маленького корабля», — писал он Мушке. По дороге в Новую Зеландию

³⁵ Бальмонт К. Д. Белый зодчий: Таинство четырёх светильников. — СПб.: Сириус, 1914. — С. 28.

Хорошие фотографии Бальмонта из путешествия по Океании ещё предстоит разыскать

корабль зашёл в Хобарт; и на этот раз город не вызвал у Бальмонта никакой симпатии: «Иду отправлять письмо. Дымный Гобарт».

Настроение его стало меняться только в первом порту Новой Зеландии, Данидине: «сегодня мы прибыли в красивый Дёнидин, какая-то смесь Норвегии с Шотландией á la Polynésienne, и я блуждал в окрестных холмах так высоко, вольно и просторно. И слушал щебет и журчанье хрустальное певчих дроздов и щеглов и каких-то ещё пичужек, я вспоминал нашего лесного жаворонка. ... Я радуюсь срокам, время проходит, я счастлив приездом сюда, — вот уже преддверье Океании. ... На Австралию и глядеть мне не хотелось. Теперь опять повеяло чем-то светлым»³⁶.

Бальмонт совершил путешествие по Северному острову Новой Зеландии, осматривал достопримечательности, встречался с маори, приобретал артефакты, знакомился с мифологией. Результатом этого путешествия стали стихи, очерки и мифы,

³⁶ Бальмонт — Ивановой, 23, 27 и 28 мая 1912 г. // РГБ ОР. — Л. 19–22.

публиковавшиеся в русской печати. Получило это путешествие отражение и в работах исследователей³⁷. Интервью новозеландским газетам Бальмонт начал всё с той же критики Австралии: «Должен сказать, что новозеландцы мне нравятся больше, чем австралийцы. Они кажутся более вежливыми и гостеприимными. Австралийцы напоминают американцев, но у них, похоже, нет напористости этой нации»³⁸.

После Новой Зеландии Бальмонт посетил острова Тонга Табу, почти месяц провёл на Самоа, побывал на Фиджи. И хотя его письма Мушке по-прежнему были полны любви и тоски по ней и нелицеприятных замечаний о полинезийцах, он вышел из творческого кризиса и начал писать об увиденном — узорно и упоённо — именно так, как ожидал от него этого русский читатель

Восьмого августа Бальмонты прибыли в Сидней на корабле «Атуа». При всей своей нелюбви к «англичанам» даже он не смог устоять перед очарованием Порт-Джексона. «Сидней очаровательный город, разбросанный над огромной горной бухтой», — писал он вскоре после прибытия. Они остановились в «Метрополе», одном из самых фешенебельных отелей, расположенном недалеко от Циркулярной пристани и Ботанического сада.

Отсюда он написал Лидии Карловне в Аделаиду, а незадолго до отъезда писал Мушке: «Здесь много гулял и катался. Сидней капризно раскинувшийся город. И люди здесь приятнее. Но ненависть к Англичанам у меня укрепилась безвозвратно. Я не мог бы жить в Англии. Эта тупость их возмутительна. Они ничего не понимают и не чувствуют. Мир красив, когда смотришь на него издали». Его уже манили новые дали. «Я иду сегодня на „Тристана и Изольду“, — писал он из Сиднея. — Радуюсь музыке. Буду мечтою далеко, далеко»³⁹.

Семнадцатого августа на голландском корабле «Van Linschoten» они отправились в Батавию. По дороге корабль останавливался в Брисбене, на острове Четверга в Торресовом проливе и в Порт-Морсби на Новой Гвинее.

³⁷ Рождественская И. С. Фольклор Океании в сказках К. Д. Бальмонта // Славянские литературы и фольклор: Русский фольклор. Вып. XVIII. — Л., 1978. — С. 96–114; Zohrab I. Konstantin Balmont's visit to New Zealand in 1912 and its evocation in his later writings // New Zealand Slavonic Journal. — 2000. — С. 199–236.

³⁸ A Russian visitor. Studying Polynesian folklore // Auckland star. — 15.06.1912.

³⁹ Бальмонт — Ивановой, 12 и 16 августа 1912 г. // РГБ ОР. — Л. 30–33.

Hotel Metropole, Sydney

Отель «Метрополь» в Сиднее

Бальмонт попал на последнее представление оперы «Тристан и Изольда» в понедельник

**HER MAJESTY'S.
QUINLAN OPERA.**

FINAL FIVE NIGHTS.

Monday at 7—TRISTAN AND ISOLDE.
Tuesday at 8—MADAM BUTTERFLY.
Wednesday at 2—LA TRAVIATA.
Wednesday at 8—FAUST.
Thursday at 7.45—AIDA.
Friday at 7—
GRAND FAREWELL GALA NIGHT.
Thursday at 2.30—At Town Hall,
QUINLAN SYMPHONY ORCHESTRA.
65—Instrumentallsts—65.
Soloist: AGNES NICHOLLS.

Результатом этого путешествия стало стихотворение «Остров Четверга». Лёгкое, качающееся как зыбь моря, оно вписывается в океанийский цикл поэзии Бальмонта.

Остров Четверга

Свежий день с зарёю новой,
Светлый остров Четверга.
Здравствуй, остров Четверговый,
Вырезные берега.
Мы проплыли и приплыли
В островной морской венец.
Ты ли знак давнишней были?
Я с тобою наконец.
Потонувшие вершины
Выдвигаются над дном.
Меж красивых ты — единый,
И лагунный цвет кругом.
Еле зримое растенье
Синий цветик на земле.
И селенье как виденье
Там далёко, там во мгле.
Дым ползёт по красной крыше,
Лёгкий стелется туман.
И над морем выше-выше
Возлетает пеликан.
Он седой, как привиденье,
Но скользит к иному взгляд:
Ожерельное сплетенье,
Гуси дикие летят.
Точно это Север милый,
Точно это журавли.
Сколько жизни! Сколько силы!
Тот, кто жив, — свой миг продли!⁴⁰

Ту же острую тоску по России Бальмонт испытал и на Новой Гвинее. В письме Анучину он писал: «Я понимаю, почему Миклухо-Маклай, с детства меня пленивший, так возлюбил Папуа и был ими возлюблен. Я думаю, что сейчас на всём земном шаре есть только две страны, где сохранилась святыня истинной первобытности: Россия и Новая Гвинея. И вы пишете мне о Миклухо-Маклае, а я думал о нём, когда, ступая как по святой земле, я шёл в селение Анабада, на деревьях же скучивались каркающие вороны, точно я шёл к русской деревне. Так встречаются души. Если куда мне хочется вернуться, так это к Папуа»⁴¹.

Эта русскость Бальмонта — «русский душой», как выразилась Лидия Карловна — всегда была с ним.

⁴⁰ Белый зодчий. — С. 95–96.

⁴¹ Новикова. Странствующий певец. — С. 45.

И в то же время она нуждалась в экзотической подпитке, будь то пеликан, напоминающий диких гусей, или крики морских птиц, напоминающие русских ворон, над новогвинейской Ханаубадой, дома которой стоят на сваях в море. Это была та самая «былинная тоска Руси — по морю, по заморью», о которой говорила и Марина Цветаева.

«ЧЁРНЫЙ ЛЕБЕДЬ»

Три года спустя, работая над книгой «Поэзия как волшебство», Бальмонт силой этого «волшебства» преобразит своё, не очень удачное, путешествие по Австралии вот в такой образ:

«Далеко на юге Земного Шара, овеванный внушающими ропотами Моря, лежит сказочный остров, который был назван Terra Australis, Земля Южная. Этот остров не остров, это остаток неведомого потопшего материка. Причудливые оазисы Моря, избранные места необыкновенных легенд, внушённых Океаном, Солнцем и Луной, очаги таких богатых и певучих языков, что во всех сочетаниях слов здесь слышится текущий переплеск и сладостно-нежное разлитие

Жёлтосмолки

светлой влаги. Благоуханные эвкалипты и голубые каучуковые деревья, более прочные, чем дуб, наша стройная акация, имеющая здесь извращённый лик и ползущая по земле уродливым кустом, тонкое кружево казуаровых деревьев, исполинские желтосмолки, сталактитовые пещеры и голубые горы, всегда таинственные степи и пустыни, бескрылые птицы, звери с клювом, человекоподобные кэнгуру, всё необычно в пределах Земли Южной, по всем побережьям которой шумит всеокружный Океан»⁴².

Однако самое известное стихотворение Бальмонта об Австралии «Чёрный лебедь», сложившееся, вероятно, во время его пребывания в Южной Австралии, написано не в столь восторженном ключе:

Чёрный лебедь

*Австралийский чёрный лебедь на волне,
Словно в сказке на картинке, виден мне.
Настоящий, проплывает предо мной,
Весь змеиный, весь узорный, вырезной.
И воистину влечёт мечту в игру
Настоящими прыжками кенгуру.
И в хранимом зачарованном прудке
Светят лотосы во влажном цветнике.
Голубеет эвкалипта стройный ствол,
Куст невиданной акации расцвёл.
Как колибри, медосос припал к цветку,
Птица-флейта засвирелила тоску.
И хохочут зимородки по ветвям,
Словно в сказке, что сказали в детстве нам.
Только это всё лишь малый уголок, —
Громче пенья птиц на фабрике гудок.
Нет Австралии тех детских наших дней,
Вся сгорела между дымов и огней.
Рельсы врезались во взмахи жёлтых гор,
Скован, сцеплен, весь расчисленный, простор.
Там, где Чёрные слагали стройный пляс, —
Одинокий белоликий волопас.
Там, где быстрая играла кенгуру, —
Овцы, овцы, поутру и ввечеру.
Миллионная толпа их здесь прошла,
В холодильники замкнуты их тела.
Замороженные трупы увезут,
Овцы новые пасутся там и тут.
И от города до города всегда
Воят, копать рассевая, поезда.
И от улицы до улицы свисток, —
Вся и музыка у Белого — гудок.
Сами выбрали такой себе удел,
Что их белый лик так грязно посерел.*

*Обездолили весь край своей гурьбой.
Чёрный лебедь, песнь прощальную пропой*⁴³.

Здесь нарочито исконно русские слова оттеняют австралийскую «экзотику», соединяясь в одной строфе — ввечеру и кенгуру (кто бы ещё мог подобрать такую рифму!); прудок и лотос; пляс и Чёрные (австралийские аборигены); зимородок-кукабара и сказка, которую «сказывают»; птица-флейта (мэгпай) и тоска (слово, понятное только русским); чёрный лебедь и гурьба. Но австралийская природа в этом стихотворении — это не только повод поговорить о далёкой России, ведь именно в видении австралийской природы Бальмонт выступает новатором.

Русское восприятие австралийской природы прошло долгий и сложный путь. Первыми с ней познакомились моряки — участники русских кругосветных плаваний. Сначала Австралия видится ими только как берег желанного дикого южного острова, тропического рая. Берегом этим был залив Порт-Джексон, где располагался юный Сидней; моряки, как кажется, в то время не осознают огромности Австралийского континента и его природного разнообразия. Описание в 1814 г. Алексеем Российским, штурманом «Суворова», мыса Беннелонг, — на котором ныне расположен Оперный театр, — даёт типичный пример такого романтически-восторженного восприятия: «С одного края поднимаются уступами морские скалы, у коих плещутся волны, разбиваясь с пеной о камни; с другого — простираются цветущие долины, осенённые благовонными рощицами, откуда несётся восхитительное пение птиц»⁴⁴.

Поездки русских во внутренние районы страны в последующие годы в корне изменили их образ австралийской природы, на первый план вышли чуждые русскому глазу эвкалиптовые леса. Теперь путешественники, казалось, использовали всё богатство отрицательных эпитетов, описывая австралийскую природу: «Что за унылый вид представляют эвкалипты, всё равно, стоят ли они по одиночке или сплотившись в леса. Светло-бурая кора лупится и висающие клочья, словно грязное тряпье, окружают голый ствол», — передаёт Эдуард Циммерман свои первые впечатления в 1881 году. И далее в описаниях австралийского пейзажа у него постоянно присутствуют «мрачные», «невесёлые» «наводящие уныние на душу» леса эвкалиптов, «сумрачные» казуарины. И он, и Всеволод Руднев пишут о «шероховатой, тусклой траве». Не отстаёт от них и София Витковская: «Я не знаю деревьев печальнее эвкалиптов... Свешивающиеся вдоль ствола клочья [коры] придают дереву самый жалкий, нищенский вид». И далее у неё снова и снова мелькают

⁴² Бальмонт. Поэзия как волшебство. — М.: Скорпион, 1915. — С. 20–21.

⁴³ Белый зодчий. — С. 97–98.

⁴⁴ Российские моряки и путешественники. — С. 32.

эпитеты печальный, унылый, грустный, жалкий, однообразный. Очевидно, что русские особенно остро чувствовали контраст между русским лесом и лугом — и всей цепью связанных с ними культурных и фольклорных ассоциаций — и австралийским бушем. Для русских лес — это тенистые дубравы или светлые, наполненные игрой солнечных бликов берёзовые рощи, поляны в лесу с мягкой травой-муравой. Под влиянием этих ассоциаций Циммерман пишет об Австралии: «здешний луг не веселит взора подобно нашему»⁴⁵.

Очевидно, что природа юго-восточной Австралии, контрастируя с русской природой, в то же время «недоотягивала» до того романтического образа «дикой» природы, которую русские ожидали найти здесь. Эту жажду экзотики лучше всего могли удовлетворить только австралийские тропики. Натуралист Александр Яценко, путешествуя в 1903 г. в окрестностях тропического Кэрнса, говорит о пейзаже как поэт, а не географ: «Крик таинственен, обрамлён по обе стороны мангровыми деревьями... Возвращение было положительно феерическое. Таинственность мест, быстро наступающая темнота, загорающиеся фосфорические огоньки летающих насекомых, влажная прохлада, змеистость пути, причудливые стебли спускающихся лиан, далёкий трезвон колокола». Экономист Николай Крюков, тоже считавший, что эвкалипт делает австралийский пейзаж унылым, был очарован лишь в горах Виктории, увидев древовидные папоротники, которые он описал как «допотопный пейзаж сказочной прелести»⁴⁶. Хотя и не тропики, это было нечто экзотическое.

И всё же уже в начале XX в. у русских постепенно создаётся понимание ценности и красоты нетропической Австралии. Яценко, который вначале, как и его предшественники, писал об «унылом пейзаже», уже через несколько дней во время первой поездки в буш в окрестностях Аделаиды был охвачен совершенно другими чувствами и пишет «об островке настоящего скребка», уцелевшего среди вырубки, как о «чудных остатках австралийской природы», уничтожаемой «во имя культуры». Педагог Александр Нечаев в 1916 г., путешествуя по Голубым горам, нашёл новые образы для описания эвкалиптов: «Живописные группы прозрачно-лиственных эвкалиптов, со своими излучистыми, блестящими как серебро стволами». И вид с холма на «тёмно-голубые бархатистые» кроны эвкалиптов напомнил ему всплески

грандиозных застывших волн. Натуралист Владимир Любименко в 1913 г. писал об эвкалиптах не столь поэтично, но всё же положительно: «Эвкалиптовый лес поражает прозрачностью, соединённой с мощностью стволов. Его величие постигаешь лишь при наблюдении издали»⁴⁷.

Именно эти новые чувства выразил и Бальмонт, воспевавший в своём стихотворении не тропики, а австралийский буш, красоту которого не каждый может увидеть и принять: «Голубеет эвкалипта стройный ствол, / куст невиданной акации расцвёл...». Хохот австралийских кукабар вполне уравнивает здесь заплывший в это стихотворение «лотос» из его медитаций в ботаническом саду Аделаиды. Глубоким чувством исполнены и эпитеты австралийской природы в его книге «Поэзия как волшебство»: «благоуханные эвкалипты», «тонкое кружево казуаровых деревьев» — так он назвал казуарины.

Но стихотворение Бальмонта революционно не только пониманием красоты неброской австралийской природы. Природа здесь представлена в оппозиции к городу, к «городской» цивилизации. Его строки: «И от улицы до улицы свисток, — / Вся и музыка у белого — гудок. / Сами выбрали такой себе удел, / Что их белый лик так грязно посерел» перекликаются с классической оппозицией «буш — город» в стихотворении «Кленси с Бурного ручья» австралийского поэта «Банджо» Патерсона, героем которого, горожанин, с тоской вспоминает своего друга Кленси, гуртовщика скота:

*Гуртовщик повсюду дома, вся земля ему знакома,
Внемлет ветру он, и птицам, и журчанию реки,
В полдень солнце жжёт долины, вечера свежи и длинны,
По ночам над головою — звёзд извечных светляки.*

Сам же он, совсем как герой Бальмонта, жалуется на городскую жизнь:

*Мне взамен мычанья стада днём и ночью слушать надо
Громыканье трамваев, завывание машин,
Вопли горя, крики злобы, плач детишек из труппы,
Что доносится сквозь вечный шум шагов и шорох шин.
Люди серым цветом кожи здесь на призраков похожи
И теснятся, и толкуются друг у друга на пути»⁴⁸.*

(Перевод А. Сендыка)

⁴⁵ Циммерман Э. Путешествие по Австралии и Океании // Отечественные записки. — 1882, № 9. — С. 180; Руднев В. Ф. Кругосветное плавание крейсера «Африка» в 1880–1883 годах. — СПб., 1909, с. 116; Витковская. Кругом земли..., с. 245.

⁴⁶ Яценко А. Путешествие по Австралии. — М., 1959. — С. 167–168; Крюков Н. Австралия. — М., 1906. — С. 58–59.

⁴⁷ Яценко. Путешествие. — С. 39–44; Нечаев А. П. В гостях у австралийцев // Исторический вестник. — 1917, № 4. — С. 243; Любименко В. Отчёт о командировке... // Изв. Имп. Академии наук. — 1914. — № 7. — С. 466–670.

⁴⁸ Поэзия Австралии. — М., 1967. — С. 55–56.

Вряд ли Бальмонт был знаком с поэзией "Банджо" Патерсона, хотя при энциклопедичности его интересов нельзя этого исключить. Но вчитываясь в стихотворение Бальмонта, мы видим, что он идёт гораздо дальше Патерсона. Гуртовщик, воспеваемый в австралийской поэзии, для Бальмонта отнюдь не герой: «Там, где чёрные слагали стройный пляс, — / Одинокий белоликий волопас».

«ГОРСТЬ ЧЁРНЫХ ЖЕМЧУЖИН»

Вот об этом, — захвате земли аборигенов, разрушении их гармоничного общества и, в конечном итоге, истреблении — он постоянно говорит и в своей поэзии, и в очерках, и в письмах. В очерке «Океания» он писал о трагедии аборигенов: «Отобрав у Чёрных земли и превратив царство Чёрных в пастбище для баранов и в фабричные города, Англичане систематически истребили туземцев и свели их действительное существование на нет. Согнав уцелевших туземцев в определённые стоянки, Англо-Австралийские власти заботятся теперь об этих вымирающих, — совершенно так же, как с безоглядной жадностью истребив несчётные стада кенгуру, они теперь заботятся, чтобы этот редкий зверь, оставшийся в скудных числах, не вымер окончательно. Англичане по всему Земному Шару таскают за собой Англию. Творцы политической свободы, они лишены понятия свободы просто человеческой, которая не может подчиниться применению какой бы то ни было единообразной мерки»⁴⁹.

Надо сказать, что для Бальмонта это была не политкорректность или ксенофобское презрение к англичанам, а глубокое понимание ценности и гармонии культуры австралийских аборигенов. А ведь в то время аборигены, одетые в европейские обноски и влачившие жалкое существование на окраинах австралийских городов или в резервациях, едва ли вызывали интерес, а уж тем более симпатию у путешественников. Бальмонт о встрече с аборигенами написал поэтически: «В Австралии я видел лишь горсть чёрных жемчужин, лишь малую малость уцелевших Чёрных туземцев»⁵⁰.

Встречу с ними подтверждает и письмо Бальмонта Д. Анучину, директору Музея антропологии в Москве: «В Австралии был несколько счастливей, [чем в Южной Африке]. Приобрёл для вас два

бумеранга от настоящих туземцев, и два других орудия»⁵¹. Наталья Новикова, бывший хранитель этнографических коллекций в этом музее, рассказывает, что Бальмонт передал музею «пять предметов австралийских аборигенов: палицу, наконечник остроги, ожерелье и два бумеранга. Это большие (74–76 сантиметров длиной) тяжёлые бумеранги; один из них орнаментирован резными овалами, которые как бы переходят один в другой и заполнены резными линиями. Второй бумеранг украшен резными изображениями кенгуру, прямоугольниками и параллельными дугообразными и прямыми линиями. Хотя этот бумеранг относится к сравнительно позднему времени, истоки изображений, возможно, уходят своими корнями в сюжеты петроглифов, связанных с тотемическими животными или животными, на которых охотились. Такие бумеранги благодаря украшениям становились, по представлениям аборигенов, надёжными, бьющими без промаха»⁵².

Он, несомненно, увидел красоту и гармонию в материальной культуре аборигенов, но самым главным для него была их духовная культура. На встречу с аборигенами Бальмонт отправился не как турист. Он знал их мифы и, глубоко проникнувшись их духом, сделал их частью своей души, поэтически излагая эти мифы ещё задолго до поездки в Австралию.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ КАМЕННОГО ВЕКА

Культуру австралийских аборигенов отличает глубокая архаичность, которую, во времена Бальмонта, нередко отождествляли с примитивностью. Но если материальная культура аборигенов была действительно проста и, при своём минимализме, идеально приспособлена к кочевому образу жизни в суровом климате Австралии, этого отнюдь нельзя сказать об их духовной культуре. «Представители немногих цивилизаций сравнятся с аборигенами Австралии во вкусе к познанию и умозрительному мышлению, граничащему с интеллектуальным дэндиизмом, поразительным, если вспомнить, что речь идёт о людях, находящихся на рудиментарном уровне материальной жизни», — писал французский этнолог Клод Леви-Стросс в 1960-х годах⁵³. «Аборигены были поистине интеллектуалами каменного века», — доказывал

⁵¹ РГБ ОР, ф. 10, к. 2, ед. хр. 323.

⁵² Новикова. Странствующий певец. — С. 45.

⁵³ Lévi-Strauss C. The Savage Mind. — London, 1966. — С. 89.

⁴⁹ Бальмонт. Океания.

⁵⁰ Там же.

и этнограф Владимир Кабо⁵⁴. И чем больше для европейцев открывается культура аборигенов, тем больше они убеждаются в верности этих парадоксальных заявлений.

Мифология аборигенов космогонична, то есть повествует о создании мира и его элементов. Более того, их представление о времени, так называемое «Время сновидений» (Dreamtime) — это, по существу, сложнейшая философская концепция, согласно которой время течёт не однолинейно из прошлого через настоящее в будущее, а многомерно и пронизывает одно другое. Это нечто вроде неевклидовой геометрии в применении ко времени и пространству. Природа, ландшафт, да и все элементы мироздания для аборигенов — это они сами, в разном обличии и в разное время, в котором прошлое и настоящее могут присутствовать одновременно. Насколько сложны их космологические концепции свидетельствует огромное количество научной литературы на эти темы.

Осмысление европейцами концепции «Времени сновидений» началось только в 1930-х годах и проникло в массовую культуру и в культуру «ню-эйдж» в конце XX века. В начале же прошлого века, во времена Бальмонта, культура аборигенов оставалась тайной за семью печатями для европейцев. Однако первые «снимки» её в виде точных записей мифов и легенд появились в печати уже в конце XIX века. Эти первичные записи мифов были систематизированы и опубликованы французским этнологом Арнольдом ван Геннепом в 1905 году на французском языке⁵⁵. Именно они увлекли Бальмонта, когда, после поездки в Мексику, он готовил к печати «целую книгу Океанийских легенд, и книгу Мексиканских преданий». «Океанийские космогонии, — писал Бальмонт в 1908 году, — особенно космогония Чёрных, как она отобразилась в Австралийских легендах, отличаются необыкновенной роскошью фантазии и первобытной свежестью. Хочется сказать, что, как Австралийские бабочки самые богатые по узорности и красочности крыльев, так и в Австралийских легендах светят мысли, единственные по причудливости мечты, каких нигде не найдёшь, — разве в Мексике, с которой эти области Чёрных имеют странное сродство»⁵⁶.

⁵⁴ Кабо В. Р. Круг и крест: Размышления этнолога о первобытной духовности. — М., 2007. — С. 17.

⁵⁵ Arnold van Gennep, *Mythes et légendes d'Australie*, Paris, 1905. Частично опубликовано в кн.: *Время сновидений: Мифы и легенды аборигенов Австралии*. — М.: Наука, 1987.

⁵⁶ Бальмонт К. Д. *Зовы древности. Гимны, песни и замыслы древности. Египет. Мексика. Майя. Перу. Халдея. Ассирия. Индия. Иран. Китай. Океания. Скандинавия. Эллада. Бретань*. — СПб.: Пантеон, [1908]. — С. 208.

«ОКЕАНИЯ»

Из этого раннего «открытия» Бальмонта уже видно, что «Океания» в его представлении это единое этнокультурное пространство, раскинувшееся от Индийского океана, через Австралию, Новую Гвинею и Меланезию — области Океании, населённые Чёрными, — через центральную часть Тихого океана, населённую смуглыми полинезийцами, до западных побережий Центральной Америки. Ныне географы обычно не включают Австралию в состав Океании. Граница между ними была проведена ещё во времена немецкого анатома И. Ф. Блуменбаха (1752–1840), стоявшего у истоков расовых классификаций, и отделившего темнокожих австралийских аборигенов от смуглокожей малайско-полинезийской расы. Различие, базировавшееся на цвете кожи, шло в XIX веке гораздо дальше — темнокожие племена считались «примитивными», светлокожие — более «культурными». Бальмонт пренебрёг этими расовыми стереотипами и включил Чёрных в единое духовное пространство Океании благодаря «роскоши» их фантазии, придя к этому умозаключению намного раньше современных этнологов. Впрочем, для Бальмонта это было не столько умозаключение, сколько духовное озарение, прозрение, благодаря которому ему открылись глубинные пласты культуры аборигенов.

Раздел «Океания» в его книге «Зовы древности» (1908) открывала элегантно заставка мирискусника Георгия Нарбута, изображавшая тики — маорийских богов.

Однако стихи в этом разделе были преимущественно австралийские — в общей сложности, в нём было опубликовано пять поэтических текстов, основанных на мифах аборигенов. Очевидно, что корпус австралийских текстов, подготовленных Бальмонтом уже в то время, был больше. Например, 1908 годом датируется автограф стихотворения «Перевязь любовная», которое, вероятно, не было напечатано при жизни поэта⁵⁷.

Посещение Австралии и Океании в 1912 году дало поэту вдохновение возобновить работу над переводами австралийской мифологии; работа эта продолжалась и после возвращения в Россию. Например, в 1913 г., вскоре после возвращения, он писал издателю М. В. Сабашникову, что собирается «перевести „Австралийские космогонические легенды“ (прозой, без переделок)»⁵⁸. В сентябре 1916 г. работа над книгой об

⁵⁷ Азадовский К. Книга с тремя автографами // Библиофилы России. Альманах Том XII. М.: Любимая Россия, 2016.

⁵⁸ Бальмонт К. Д. — М. В. Сабашникову, 24 июля 1913 г. // РГБ ОР, ф. 261, карт. 2, ед. хр. 75, л. 15.

Заставка в книге «Зовы древности». Худ. Г. Нарбут

Океании была завершена, и он писал Елене, его спутнице по океанийскому путешествию, из Ладынино:

«Рыбка, через час я иду в Тарусу, чтобы самому отправить книгу „От Острова к Острову“ Сабашникову. Прилагаю дубликат своего письма к нему. Хотел бы думать, что он не найдёт препятствий для её издания. Но бедный я, что единственному своему настоящему издателю я должен приводить столь изумительные аргументы. Я боюсь, что без них он сразу ужаснётся на мои писания. Поколдуй в этот час и скажи „Талёфа“ и „Тофа“ нашему изумрудно-золотому и голубовато-серебряному Океанийскому чаду. Да живёт и сияет»⁵⁹.

В письме Сабашникову он писал: «На русском языке, сколько знаю, это будет первая книга, посвящённая Океании. Собранные в ней предания и образцы словесного искусства представляют значительную ценность для каждого, занимающегося народными сказаниями разных стран».

Книга эта в дальнейшем получила название «Океания». В отделе рукописей Российской государственной библиотеки сохранилось её оглавление.

Материал в ней разбит на три части — океанийскую (Самоа, Тонга, Маори, Мангайя), австралийскую и японскую. Приведём содержание австралийского раздела:

Австралийские сказания

*Рождение Солнца.
Солнце.
Как Солнце зажглось.
Солнце и Гром.
Луна.
Перемены Луны.
Преображение Луны.
Месяц.
Смерть и Луна.
Смерть.
Первая Ночь.
Звёзды.
В Начале Дней.
Море.
Лики.
Мурайрай.
Ворон.
Муррумбунги.
Пунджэль.
Бунджэль.
Мурамура.
Мурамура Паралина.
Первый Человек.
Нунунг-Нгуннут.
Оружие Страсти.
Люди.
Рассеяние Человеков.
Перевязь Любовная.
Тотэмы⁶⁰.*

К сожалению, книга эта так и не была издана. В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) сохранилась, вероятно, её рукопись, которая ждёт своего часа⁶¹. Тем не менее ряд стихотворений из этой книги был опубликован Бальмонтом в эти же годы в других изданиях. Семь текстов вошли в книгу «Край Озириса: Египетские очерки» (М., 1914) и три в книгу «Поэзия как волшебство» (М., 1915). Новые тексты появились также во втором издании книги «Зовы древности» (Берлин, «Слово», 1923). Не исключено, что какие-то тексты публиковались и в местных газетах во время турне Бальмонта по России в 1915 и 1916 гг.

⁵⁹ Там же. — Л. 63–65.

⁶¹ РГАЛИ, ф. 57, оп. 2, ед. хр. 5.

⁵⁹ РГБ ОР, ф. 374, к. 5, ед. хр. 1. — Л. 24.

Бальмонт в 1915 году

СНОВИДЕНИЯ МИРОТВОРЧЕСТВА

Бальмонт выбрал удивительно точное название для цикла своих австралийских текстов — Австралийские сказания. Это действительно сказания со свободной формой изложения, в отличие от сказок и легенд с динамичным сюжетом и классических мифов, где действуют демиурги-боги, хотя элементы всех этих жанров можно найти в его текстах.

Предваряя публикацию нескольких своих переводов, Бальмонт писал: «Первобытный человек чёрного цвета, живущий здесь, запечатлел в напевных своих сказаниях ту степень проникновения в жизнь Природы, ту лучистую ступень Мироощущения, когда отдельное человеческое Я без конца тонет и вновь возникает в слитном сновидении Миротворчества. Оно в том всепоэзном бытии, когда говорят птицы и травы, и каждое животное есть человек, а каждый человек есть зверь». Сновидение Миротворчества — но это ведь и есть Дриминг, Время сновидений, в познании которого Бальмонт намного опередил своё время и остался неслышанным! Для обозначения первопредков Бальмонт использует зыбкое понятие «лики». «Как началась жизнь? — пишет он. — Чёрный Австралиец, который так недалеко пошёл в числени, что считает до двух, а о трёх говорит — много, но язык которого богаче своими сочетаниями любого

языка Белоликих и имеет такие формы, каких не достиг язык гордых Римлян, знает своим воображением, как появились в Мире лики»⁶².

Дословная запись одного из таких мифов о происхождении людей племени диери была представлена в книге Арнольда Ван Геннепа:

«Сначала Мурамура создал множество маленьких чёрных ящериц, которых и сейчас находят под корой деревьев. Они показались ему очень привлекательными, и он решил, что они должны стать над всеми ползающими существами. Мурамура разделил их лапы на ноги и руки и сделал им пальцы. Затем он приставил свой палец к середине их лица и сделал нос, таким же образом он сделал им глаза, рот и уши. После этого он поставил одну из ящериц на задние ноги, но она упала. Тогда Мурамура отрубил ей хвост, и ящерица смогла ходить на задних ногах. Наконец, он сделал им половые органы, чтобы обеспечить им продолжение рода»⁶³.

Бальмонт строго следует сюжету, но наполняет его красотой, которая в его сознании была неразрывно связана с актом творения.

⁶² Поэзия как волшебство. — С. 21–22.

⁶³ Время сновидений. — С. 9.

Мурамура

В перевозданы Мурамура
Создал много-много чёрных
Малых ящериц проворных.
Змейно-тонкая их шкура
По коре дерев мерцала,
Как мерцает в наши дни,
Ими тешился немало,
Ведь нарядные они.
Размышлял он, кто же будет
Между ними, но над ними,
Кто-нибудь из них, для них,
Коли нужно, так рассудит,
Коль веселье, лёгкий будет
В пляске быстрой править ими
Меж дерев и трав густых.
Вот он выбрал, вот наметил
Между ящериц проворных
Быстрым взором быстро встретил,
Прикоснулся их лица,
Нос мелькнул, глаза и брови,
Щёки, в свете тёплой крови,
Всё довёл он до конца.
Поперечно чуть касался
Указательным перстом,
Рот румяный засмеялся,
Зубы белые со ртом,
Улыбнулся, залукавил
И с ответною улыбкой
Этой ящерице гибкой
Мурамура стать велел⁶⁴.

Бальмонта, очевидно, притягивали не сюжетные сказания, а сложнейшие космогонии, понятные только для посвящённых. Пересказывая миф племени диери о возникновении земли в водах озера, на которой постепенно формируются ипостаси тотемических первопредков, животных-людей, заселяющих мир, он замечает: «Как гласит одна Австралийская легенда, вначале была слитность и постепенно означающаяся перепутанность ликов, как это бывает в каждом развивающемся сновидении».

В Начале Дней

В начале дней Земля открылась в середине влаги озёрной,
В великих водах Перигунди явился лик, за ним другой,
Качнулся ворон чёрнокрылый, загомосился попугай,
И красноног запрыгал быстрый, твердя себе: Ступай,
ступай.
Но было всё несовершенно, для чувства не было дверей,
И члены только означались в той изначальности своей.

⁶⁴ Бальмонт. Поэзия как волшебство. — С. 22–23.

И лики все легли на дюны, что сжали озеро кольцом,
И там на Солнце укрепились они в могуществе своём.
Так распростёршись, полежали, и лик их был определён,
И вот пошли, одни по долам, другие в синий Небосклон.

«В первобытном сознании, — продолжает Бальмонт, — именно как в сновидении и как в играющем сознании детском, всё невозможное возможно, и каждая малая точка, в силу богатства того подвижного текучего вещества, которое называется мечтой, может служить исходом, началом целой системы. Австралиец увидел кенгуру и побежал за ним. Если б это случилось с цивилизованным человеком, т. е. встреча с кенгуру, он поймал бы зверя или убил его, и рассказал бы товарищам, как это произошло, — исчислил бы также, какие выгоды и возможности отсюда извлечь правдоподобно. Австралиец же ведаёт некоего природного волшебника, Мурамуру Паралину, и он уже не о себе рассказывает, а об этом волшебном творчески-шаловливом духе».

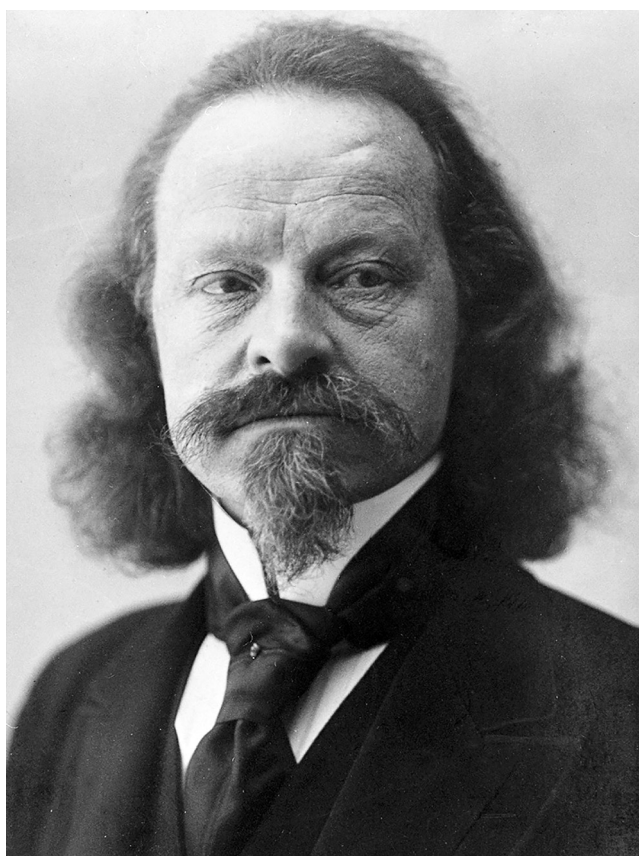
Мурамура Паралина

Мурамура Паралина побежал за кенгуру.
— Кенгуру, хоть ты и быстрый, в плен тебя я заберу.—
Мурамура Паралина топчет травы, топчет мох,
Вдруг увидел сжатых, робких он уродцев четырёх.
Он близь них не задержался, побежал за кенгуру.
Но куда же тот девался, где он спрятался в дыру?
Кенгуру дошёл до места, где двух женщин повстречал,
И убит был ими быстро, и, завит в зерно, лежал.
Мурамура Паралина говорит про кенгуру.
Отвечают — не видали, шепчет каждая — не вру.
Паралина взял свой пояс, навязал на муравья,
Муравей почуял тотчас, муравьёв сошлась семья.
Мурамура Паралина муравьёв тут разогнал,
Кенгуру взвалил на плечи, и к уродцам побежал.
Он растёр им тело — тело, члены вытянул он вдоль,
Расщепил по десять пальцев, хоть и сделал этим боль.
Рот, глаза и нос им сделал, уши дёрнул, растянул,
И чтоб можно было слышать, в эти уши ондохнул.
Всё им тело пробуровил, глины выострил кусок,
В рот его им с силой вставил, и кусок до низу скок.
Так разделивши уродцев, человек создал он,
И пошёл он, и пошёл он, гул пошёл со всех сторон⁶⁵.

В данном случае Бальмонт точно воспроизвёл текст мифа племени яурорка, представленный А. ван Геннепом⁶⁶.

⁶⁵ Бальмонт. Край Озириса. — С. 203–204.

⁶⁶ Genep. Mythes et légendes d'Australie. — С. 8–9. Отметим, кстати, что и диери, и яурорка — это племена, жившие в районе озера Эйр и именно у них побывал русский путешественник Александр Яценко в 1903 году.

Константин Дмитриевич Бальмонт. 1917 год

Здесь перед нами сложнейшая ткань мифологической реальности. Мурамура — это общее название первопредков, которые сочетают в себе черты и человека, и тотемического предка, и демиурга. Топография странствий одного из них — Паралины, — имеет внутреннюю логику, недоступную непосвящённым. Мы можем спросить, почему Паралина сразу не создал людей, а продолжал преследовать кенгуру, и откуда там женщины, и когда они успели убить и спрятать кенгуру, и как можно привязать к муравью пояс, и почему акт творения человека происходит только тогда, когда Паралина овладел кенгуру? Все эти «нерелевантные» детали чрезвычайно важны в мифологии, и передаются аборигенами столетиями из поколения в поколение. Эти странствия первопредков иногда называют «тропы песен» (songlines), в них запечатлено создание ландшафта и единство аборигенов с их землёй. В массовую культуру это понятие вошло в 1980-х годах после публикации романа-путешествия «Тропы песен» английского писателя Брюса Чатвина (1940–1989); по ним, кстати, автора ведёт Аркадий Волчок, сын украинских иммигрантов, прообразом которого послужил реальный антрополог Анатолий Савенко, работавший в Алис-Спрингсе.

О «МИРЕ НЕВИДИМОМ»

Умение Бальмонта прочувствовать, принять и поэтически представить на суд читателя эту «другую» реальность, удивительно! Чтобы увидеть, на каком общественном «фоне» приходилось ему «пробивать» свои публикации, достаточно процитировать стихи Валерия Брюсова на тот же сюжет:

Из песен австралийских дикарей

1

*Кенгуру бежали быстро,
Я ещё быстреей.
Кенгуру был очень жирен,
А я его съел.
Пусть руками пламя машет,
Сучьям затрещать пора.
Скоро чёрные запляшут
Вкруг костра.*

2

*Много женщин крепкотелых,
Мне одна мила.
И пьяней, чем водка белых,
Нет вина!
Ай-ай-ай! крепче нет вина!
Будем мы лежать на брюхе
До утра всю ночь.
От костра все злые духи
Уйдут прочь!
Ай-ай-ай! уйдут духи прочь!
(1907)⁶⁷*

Религиозный философ Павел Флоренский писал, что иконостас в православном храме — это не просто алтарная преграда, он разделяет два мира, здесь проходит «граница между миром видимым и миром невидимым»⁶⁸. Именно этот «невидимый», сакральный мир австралийских аборигенов открылся Бальмонту в то время, как его современники видели в них примитивных, пьяных дикарей. Что позволило ему преодолеть эту преграду? Что водило его рукой? Я думаю, что это было глубокое понимание прекрасного, перед которым условности «цивилизации»,

⁶⁷ Сирин. Сб. 2. — СПб., 1913. — С. IX–X.

⁶⁸ Владимир Кабо. Ванджина и икона: Искусство аборигенов Австралии и русская иконопись. — Канберра: Алчеринга, 2002. — С. 2.

цвет кожи, ценности «твоего» общества отступают на задний план. Пересказ мифа племени кай-тиш о происхождении солнца он представил следующим образом: «Австралийские дикари считают Солнце женщиной и называют её Окэрка. Об этой Окэрке существует сказание»:

Рождение солнца

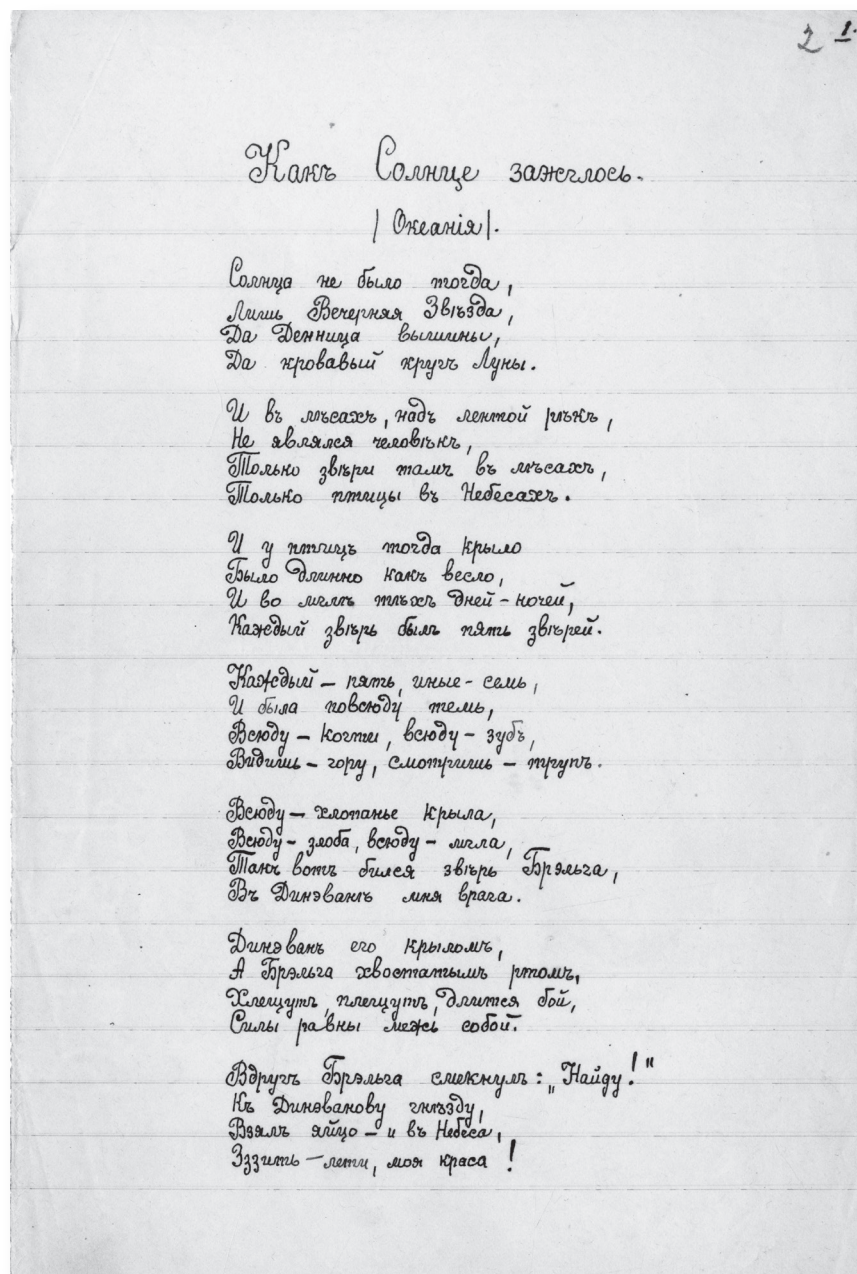
Когда Окэрка родилась,
На Небе был Восточный час.
И распустился там цветок,
Он называется — Восток.
Пошла гулять. Идёт. Плывёт.
Прошла весь синий Небосвод.
Вдруг видит жаром полный сад.
Он называется — Закат.
В саду глядела на цветы,
И захотела темноты.
Нырнула в Море, скрылась
прочь.
Зовут то Море
в мире — Ночь.
«А где же первый мой
цветок?»
Окэрка снова на Восток.
И новый цвет блестит, горя.
Он называется — Заря.

«Это — слова о Солнце, прошедшие через многовековую утончённую культуру», — пишет Бальмонт⁶⁹. Едва ли кто-либо из его современников был в то время способен воспринять культуру аборигенов именно как «утончённую». О её глубинах европейцы заговорят только в конце XX века, когда в моду войдёт «искусство аборигенов».

Путешествуя по Новой Зеландии, Бальмонт обронил странную фразу в одном из писем Мушке: «Итак, вот он, крайний предел. Душа богаче Земли»⁷⁰. Именно так он и путешествовал, и в духовной реальности,

⁶⁹ Бальмонт. Край Озириса. — С. 218.

⁷⁰ Бальмонт — Ивановой, 6 июня 1912 г. // РГБ ОР. — Л. 23.

Страница рукописи Бальмонта с «Австралийскими сказаниями»

и в земной. И если в земном путешествии Австралия его разочаровала и стала предметом брюзжания на холод, на дождь и на людей, в духовной реальности ему открылся «мир невидимый», который он, первый из русских, да и, возможно, один из первых в мире, попытался донести до современников в своих стихах. Будем надеяться, что ныне, столетие спустя, мы готовы услышать то, что стремился рассказать нам странствующий певец, книга которого «Океания» так и остаётся неопубликованной. ■